

Неизвестный художник.
Пейзаж с
Останкинским дворцом.
XIX в.

Жизнь и искусство в Останкине

П. Вейнер

«Украсив село мое Останкино и представив оное зрителям в виде очаровательном, думал я, что совершив величайшее, достойное удивления и принятое с восхищением публикою дело, в коем видны мое знания и вкус, буду всегда наслаждаться покойно своим произведением».

Так писал граф Николай Петрович Шереметев в завещательном письме малолетнему своему сыну, и так должен был думать екатерининский вельможа, вложивший столько забот и любви в создание художественного уголка под Москвой. Ему, беспечному хозяину несметных богатств, возросшему среди красот Кускова, выдавшему изящный двор Версаля и гостю блестящих праздников царицы, — ему под силу было на месте скром-

ной и старой усадьбы воздвигнуть пышный дворец и обратить его в музей. Но не с него первого началась известность Останкина.

В XVI веке Останкино, под именем «Осташкова на суходоле», принадлежало немцу Орну, а к концу столетия оно вошло в вотчину думного дьяка Василия Щелкалова, знаменитого слуги Грозного и наперсника Годунова. Но в 1601 г., по государеву указу, поместье отдано боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому, от которого поступило в род князя Якова Куденетовича Черкасского.

О XVII веке останкинской жизни нам говорят лишь храм св. Троицы (1668 г.) — когда-то живописное создание мос-

ковского зодчества. — да очень интересная деревянная скульптура в нем «Плач над Христом». Прекрасной резьбы, но безбожно покрашенная масляной краской, как эта прекрасная группа была занесена на наш чуждый север из далекой ее родины — Испании? Как, вопреки обычаю нашей церкви, могла она служить богобоязненному поклонению еще в XVII в., когда она стояла в старой церкви Покрова, в соседнем погосте Ергенево, где теперь лишь груда кирпичей и камня напоминает о прежнем месте молитвы.

Затем владел Останкином князь Михаил Яковлевич Черкасский, тобольский губернатор, а с 1730-х годов там проживал на покое канцлер князь Алексей Михайлович, сподвижник Петра, кабинет-министр императрицы Анны, бывший тобольский наместник, «черепаха», как прозвала его княжна Кантемир. Два портрета его висят теперь во дворце. Один, парадный и торжественный, парный к портрету жены, плохо сохранился; другой — домашнего типа, изображает князя на покое, каким он бывал в семейном кругу, в оливковом бархатном камзоле, расшитом стеклярусом, без орденов и пышных атрибутов. Это работа Ивана Аргунова, вероятно, уже по смерти канцлера исполненная крепостным живописцем его зятя. Следы сибирского пребывания князей Черкасских заметны и в Останкине: несколько кедров посажено ими тут в саду; они еще сохранились; глядя на них, владельцы могли вспоминать тяжелый, неподкупный труд вдали, на который обрекло их доверие Петра, а ныне двухсотлетние свидетели, как много тайн могли бы они поведать нам из жизни сменявших друг друга поколений...

В 1742 г. скончался канцлер князь Черкасский, а его единственная дочь княжна Варвара Алексеевна принесла в своем богатом приданом поместье графу Петру Борисовичу Шереметеву, сыну фельдмаршала. Но новые хозяева предпочитали Кусково, украшали его и в нем проживали.

Останкинская усадьба при Черкасских вряд ли была особенно богата и хороша: в нескольких верстах отсюда находилось их же с. Никольское, где старая княгиня Марья Юрьевна принимала императрицу Елизавету в 1744 г., да и графу Николаю Петровичу, унаследовавшему состояние в 1789 г., достался лишь небольшой дом возле церкви, давно уже сломанный. В нем жила Петр Борисович с семьей, когда гостил в Останкине.

Едва создатель останкинского великолесья вступил в свои права, как принялся за обновление усадьбы. Еще к

концу 1789 г. относятся первые его распоряжения.

«Кто на Каменке не бывал, тот Останкина не знает», — уверяла местная поговорка. Теперь уже этой речки нет: боязливо крадется через парк заглохший ручеек, напуганный говором дачников и стуком топора. Но когда-то он смело и гордо бежал и шумел, и питал собою семь вырытых прудов, связанных каналами. От них теперь не осталось и следа, но о них первым делом подумал граф Николай Петрович, когда начал устройство Останкина. Этими прудами оживлялась довольно однообразная и плоская местность; они же служили местом развлечения гостей, которых катали на маленьких лодках привычные гребцы вдоль иллюминированных берегов. Оркестр звучал на берегу, разноцветные огни перемигивались в воде; сбегавшемуся народу праздник казался волшебством...

Своей влагой Каменка питала весь парк; природа украшала его богато; оставалось направить ее во вкусе времени и отдать ее во власть испытанного садовника. Остроумный строитель кусковских садов Ракк, вероятно, приложил свой труд и к Останкинскому парку, но он умер в 1797 г., и его заменил англичанин Роман Маннерс. По-видимому, это был незаурядный мастер, так как получал он по договору «в год жалованья по 5000 р. и для топки печей приличное число дров, а более ничего не требовать». Хозяин сам зорко следил за садом; то он в длинных письмах («указах») Маннерсу и помощнику его Петру Хожбину точно указывает, какие деревья надо подсаживать — липу, дуб, «сиренгу», но только не осину; то лично утверждает списки требуемых садовником растений; то отправляет его в Англию для покупки оранжерейных и садовых насаждений.

Только самые близлежащие к дому аллеи и лужайки носили французский характер; теперь они утратили его, деревья выросли и буйно раскинулись, лишь мраморные фигуры и вазы, окружающие площадку перед дворцом, еще говорят о былом наряде, когда стриженные липы образовывали зеленые «зал» и «гостиную». Но большая часть обширного парка — английского типа. Длинные дорожки, извиваясь среди старых деревьев, под густой их листвой, то направляли путника к беседкам и навильонам, разрушенным теперь, или к дубу, посаженному будто бы Великим Петром, то углубляли в чащу леса и вновь выводили по «аллее вздохов» к залитым солнцем флигелям дворца.

Усадьба стояла в лесу; он обрамлял границы сада и окружал пруд перед домом, сливался тут с Марьиной рощей и продолжался до Москвы. По ночам граф-

Н. И. Аргунов.
Портрет Н. П.
Шереметева.
1810-е гг.
Останкино

ские гусары и егеря тут ездили дозором и охраняли неудобную дорогу от непрошенных гостей. Леса закрывали подъезжающим вид на дворец и мешали с останкинских балконов любоваться Москвой. Дальнейшая просека сделана графом Дмитрием Николаевичем в угоду императору Николаю, жалевшему, что деревья скрывают вид на златоглавый Кремль. А затем провели уж рельсовый путь, позастроили Марьину рощу, и лишь тощий ряд берез окаймляет пруд, а он, в своих спокойных и бесшумных водах, все так же отражает легкие очертания Останкинского дворца, играет куполами старой церкви и шутит с ними во время бега ветерка...

Начатая еще в 1796 году, отделка Останкинского дворца заканчивалась спешно, к особому торжественному случаю — приему царя.

Товарищ детства Павла Петровича граф Н. П. Шереметев никогда не изменял своих чувств к нему, а император, в свою очередь, не забывал друзей гатчинского помещика. Тотчас по воцарении он назначил графа Николая Петровича обергофмаршалом и обещал посетить его Останкино во время коронационных празднеств. Оставалось несколько месяцев, отсрочки быть не могло, и работы требовали усиленной спешки. При этом

высокая должность при беспокойном дворе отнимала много времени у графа и задерживала его в Петербурге. Он лично не мог наблюдать за украшением Останкина, и в семейном архиве сохранились его письменные распоряжения. Еще 2 января 1797 г. он пишет управляющему: «Спешите как можно скорее и не упускайте времени, старайтесь всячески, чтобы привести к окончанию; иное, что нужно, можешь и без меня решить сам, дабы через почту не потерять много времени», а 15 февраля, посылая в Москву Ивана Чистого и архитектора Павла Аргунова, он уже не скрывает своего беспокойства: «Не теряй ни одной минуты, теперь всякое время дорого... жаль, когда не поспеешь и тем помешаешь мне принять дорогого гостя».

Кем был Иван Чистый — сейчас трудно сказать, так как в числе останкинских служителей он не значится; все же, вероятно, он принимал участие в художественном убранстве усадьбы. Из сохранившихся списков мы узнаем, что в 1797 г., когда заканчивалась отделка дома, в Останкине состояли: архитекторы Павел Аргунов, Алексей Миронов, Григорий Дикущев, помощник Федор Бизяев, ученик Федор Халдин и живописцы Семен Калинин, Кондратий Фунтусов и Николай Шемай. Впрочем, сведения эти, очевидно, неполны, так как уже 9 марта 1798 г. граф Николай Петрович извещает свою контору, что «сделанные Григорием Дикущевым, Петром Беляевым, Дмитрием Головцовым Останкинскому строению рисунки» он получил. В Останкине, по сведениям Собко, работал и орнаменталист итальянец Кампиони, но ни время его деятельности там, ни плоды ее точно не известны. Засим в 1801 г. для работ в Останкинском доме в помощь Н. Аргунову назначаются ученики Иван Мельников и Михаил Зацепин. Между прочим, им поручается все картины осмотреть и «которые ослабли, то оныя перетянуть и сделать все к лучшему», и установить серораморные кариатиды, стоящие по бокам дверей в Египетском зале, а также расставить и развесить присланные из Петербурга люстры и «стенные бронзовые шандалы». Через несколько месяцев упоминается еще новое имя: «Находящегося жительством в селе Кусково живописца Алексея Поздеева сына Петра определить к Николаю Аргунову в ученики и находиться ему при нем Аргунове для обучения живописному мастерству непременно, что исполнить без малейшего замедления».

Среди шереметевских крепостных художников были талантливые мастера. Не говоря об архитектурных созданиях в Останкине — о самом дворце и о тех

погибших павильонах и беседках в парке, о прелести которых мы можем судить по аналогии с большим домом, — вспомним хотя бы украшающую его мебель. Несомненно работы тех же резчиков, что и внутренняя отделка стен и дверей, она не случайно сюда привезена и не без плана расставлена: стоит поднять глаза на деревянную обшивку комнаты, чтобы узнать тот же узор, что виден на столах и консолях, найти те же гирлянды, извивы лент и причудливые полосы, понять, что мебель и дом составляют одно.

Останкино — музей деревянной резьбы. Все двери, карнизы, наличники и амбразуры окон покрыты узорчатой резьбой. Может быть, она потеряла часть своей прелести вследствие новейшей раскраски, но тонкий затейливый узор сохранился прекрасно и поражает беспрестанной новизной. Все, что попадало под взоры автора, применялось им к орнаменту. То мысль художнику внушали связанные, разнообразные пучки цветов, с далеко уходящими стеблями и вьющимися побегами; то он обращался к музыкальному миру и художественно резал скрипки, флейты и бубны, переплетенные лентами без конца; то вспоминал сельское хозяйство и заполнял целые простенки художественно сгруппированными граблями, снопами и косами; то опять давал волю своей фантазии, делал панно на геометрические фигуры, их отделявал «горошком», звездами, акантовыми листьями; то, наконец, прибегал к классическим образцам и переносил в резьбу роспись помпейских стен и египетских ваз. Дивисься богатству замысла и тонкости резца на деревянной обшивке, но тотчас узнаешь их вновь в расставленных предметах.

Нигде — ни у нас, ни за границей — не встречается подобного, ни по характеру, ни по количеству убранства дома не видно такого собрания единотипных деревянных вещей. Не верится, что чудно золоченные гирлянды, тонкие цветы и мельчайший орнамент — не бронза, а дерево, и поистине стоило накрывать такие столы досками драгоценного мрамора и малахита. Нет той орнаментальной трудности, пред которой остановился бы останкинский резчик. Простые, легкие линии, как в курильнице на четырех колонковидных ножках, замечательны по тонкости пригонки частей, и не чувствуется в них того материала, который более всех боится времени и легче всего случайностями наслоений подводит мастера. Барельефы, крупные фигуры сфинксов, мелкий узор на гладких частях, венки и гирлянды, резанные кругом, свисающие материи — все удавалось останкинским мастерам.

Отличная позолота сохранилась до

Портрет П. И. Жемчуговой. С оригинала Н. И. Аргунова. Останкино

наших дней, здесь блестящая, червоная, там матовая — красная, зеленая; целая семья Жарковых специализировалась на позолоте и, надо думать, участвовала в этой работе. Это — царство обмана, где невольно трогаешь вещи, чтобы проверить материал. Недаром в дневнике польского короля Станислава Понятовского, принявшего праздник в Останкине, говорится: «Бельэтаж весь деревянный, но с таким искусством отделанный и украшенный, что никогда нельзя было бы и подумать, что он был сделан из дерева. Из тех нескольких сот мастеровых и художников, которые там работали, можно было насчитать не более четырех-пяти иностранцев, а остальные были не только чисто русские, но почти все люди самого графа Шереметева; если бы факт этот не был констатирован, трудно было бы этому поверить, до такой степени исполнение всей работы отличалось изяществом...»

Действительно, граф Николай Петрович писал: «Для разной работы посторонних работников не нанимать, а исправлять оную своими мастерами со всяким успехом». Пожелание его сбылось: успех работа имела полный.

К росписи потолков и стен были причастны и посторонние живописцы; так, граф Николай Петрович требует точные меры двух потолков, «ибо оные блафоны намерен я велеть писать в Петербурге», но это было вызвано, вероятно, той спешкой, которая окружала отделку дворца.

В других случаях сам граф указывает, кому из своих мастеров поручить работу: «В пристройке подле разборной галереи по красному хорошему грунту белый Рафаэлевский арабеск, и сделать так, чтобы все походило на Рафаэлевы логи, а сие заставить сделать домовых живописцев Мухина, Калинина и Фунтусова».

О значении этих художников, ознаменовавших свою деятельность лишь исполнением декоративных работ по чужому указанию, судить нам трудно, но на страницах истории русского искусства уже записано имя целой семьи шереметевских крепостных художников — Аргуновых, Ивана Петровича и сыновей его архитектора Павла и живописца Николая. Деятельность всех трех оставила богатые следы в Останкине.

Наряду с произведениями собственных художников, работавших большею частью на заказ, а не по вдохновению, Останкинский дом украшается всевозможными предметами искусства, вывозимыми и выписываемыми из-за границы, покупаемыми по случаю в Петербурге, доставшимися в наследство от отца и деда. Несомненно, в числе последних — портрет принца Евгения Савойского, написанный Купецким. Художник писал Петра Великого во время его карлсбадского лечения в 1711 г.; не мог ли при этом случае государь приобрести портрет принца Евгения и подарить его своему Тюрению, как он называл фельд-маршала Шереметева?

К очевидно петербургским заказам принадлежит прекрасная мраморная статуя Екатерины II, в рост, но несколько меньше натуры. В 1850 г. ее видел покойный Ровинский и совершенно уверенно отнес ее к работам Ф. Шубина.

Еще во время своего заграничного путешествия в 1769—1773 гг., когда он с князем Куракиным сначала изучал науки в Лейденском университете, а затем учился жизни при пышных иностранных дворах, граф Николай Петрович посылал в Россию целый ряд своих покупок; еще долго потом они приходили целыми транспортом, и связь с заграничной никогда у него не прерывалась. Изящным, грациозным юношей его изобразил в 1771 г. Рослен, и портрет этот случайно был найден через сто лет в одном из тайников Останкинского дворца; теперь он хранится в петербургском доме гр. С. Д. Шереметева. Уже в то время молодой путешественник питал интерес к искусству, к музыке, к театру и знакомился с ними в Париже; там он приобрел постоянного корреспондента по этим делам, с которым впоследствии вел усердную переписку, сохранившуюся в семейных бумагах. Постоянно, с открытием

навигации, ожидалось в Петербурге заграничные заказы. Чего тут только не было! Посылались ящики апельсинов и мраморные фигуры, ноты и вина, растения для посадки и шелковые ткани, фарфор и разные книги, словом, все, чего могла желать фантазия богатого баловня фортуны в XVIII веке.

Таким путем, должно быть, получены все бесчисленные мраморные бюсты и фигуры, которые украшали многие комнаты нижнего этажа, вестибюль, лестницу, галереи и расставлены в саду, копии с богов и сатиров, с античных скульптур и с модных французских, бронзовые Лукреции и Семирамиды, миниатюрные бюсты императоров на порфиристых цоколях. Среди этих вещей ярко выделяется крупная беломраморная статуя богини Здравия в Концертном зале.

Даже сейчас, когда многое из Останкина увезено, нет во дворце ни одного стола или кронштейна, ни одной консоли или каминной доски, на которых не стояли бы украшения: чисто декоративные, как вазочки, вазы, статуэтки, бюсты, или когда-то необходимые, как подсвечники, фонари, канделябры. Среди последних есть несколько пар, от которых не может оторваться восхищенный глаз.

Трудно придумать более совершенную красоту канделябров чистой эпохи Людовика XVI, чем пара тех, что опираются на три козых ножки. Описать их нельзя, и прелесть их не в деталях композиции, а в спокойных изящных линиях, в богатстве простоты. Великолепная чеканка и роскошная позолота соединяют талантливость замысла с превосходным исполнением.

Редкое изобилие маленьких ваз и других «ненужных» вещей разбросано по хорам дворцовой громады. В приемном зале мы встречаем китайский и берлинский фарфор, но большинство своим значением обязано бронзе. Без бронзы потеряли бы свою прелесть белофарфоровые вазы, где переплетенные змеи служат ручками, а бронзовые бусы такими красивыми нитками веселят глаз; необходимой частью входит она и в те маленькие мраморные курильницы, отделка которых очень напоминает эти белые вазы. Их несколько пар с той же тонкой бронзой и той же грациозной формы, но меняется в них камень, — то это орлец, то разные шпаты, то темный лабрадор, и соответственно меняется камень в пьедестале.

Видно, что, заказывая сразу много, граф Николай Петрович выбирал лишь модель, предоставляя мастерам придавать ей разнообразие. Таковы несколько пар ваз из черной бронзы, где рельефный

корпус неизменно повторяет тот же вакхический сюжет, но они отличаются камнем цоколя и медальонами фарфора Уэдждуд. Это заметно и в тех бесчисленных стеклянных вазочках, которые во множестве расставлены во дворце. Легкая золоченая оправа сохраняется в каждом образце, но цвета стекол постоянно меняются, и ту же вазу вы находите и синей, и молочно-голубой, и ярко-пунцовой, и опалового стекла. Это обилие стеклянных изделий, оправленных в бронзу и золоченую медь, поражает посетителя. Вещи эти — все несомненно одного происхождения, в них не только видно единство производства, но и чувствуется общность замысла. Большинство их имеет чисто декоративное значение: громадные пузатые вазы и высокие, классических форм, предназначены стоять на отдельных тумбах; другие, в виде кувшинов, курильниц или маленьких ваз, должны своим легким соседством возле крупных вещей дополнять убранство столов и консолей.

Исследование русского бронзового и стеклянного производства в XVIII веке было бы очень поучительно; оно бы дало нам ответ на открытые вопросы, которые возникают и в Останкине. Если рисунок стеклянных ваз и курильниц, украшающих Шереметевский дворец, вполне отвечает развитию декоративного искусства в XVIII веке за границу, то исполнение их бронзовых оправ совершенно не соответствует технике французских мастеров, да и золочение совсем иного дос-

тоинства. В данном случае и логически трудно допустить, чтобы граф Николай Петрович, выписывавший из Парижа бронзы первоклассных мастеров, заказал бы там же и одновременно предметы, с ними сравнения не выдерживающие. Известно, что у Екатерины Великой был свой бронзовый завод; были и частные бронзовые мастерские, как, например, Кампионы в Москве; установлено существование частных фарфоровых фабрик у богатых или предприимчивых помещиков; поныне существует Императорский стеклянный завод, — нельзя ли будет найти связь между этими учреждениями и тем выяснить происхождение таких предметов, какие мы видим в Останкине?

Мысль о русском производстве их подкрепляется еще семейным преданием в роду Ивана Петровича Кулибина, нашего славного ученого Екатерининских времен. Потомки его передают, что он не только изобрел особую систему освещения темных коридоров зеркалами, но и нашел особый состав хрусталя, замечательного по чистоте и блеску и получившего в обиходе название «кулибинского». Не это ли стекло послужило к отделке восхитительных «екатерининских» люстр и фонарей, сохранившихся в дворцах, возбуждающих страсть коллекционеров и в количестве нескольких десятков свисающих с великолепных останкинских потолков? Какие волшебники плели из хрусталя чудесные сети и окутывали тонкий остов хрустальными

Вeer
«Взвешивание».
Фрагмент.
1770-е гг.
Останкино

Плафон
Итальянского
павильона.
Останкино

кружевами? какие сказки им снились при многоцветном трепете подвесок? Блестящим дождем бросали они мелкие нити, горящими фонтанами венчали свой труд, яркие звезды вставляли в обода и обрекали их на вечную игру алмаза.

Громкой славою пользовались картинные галереи Шереметева. Для одной из них устроен большой зал в Останкинском дворце. Любецкий, историограф окрестностей Москвы, называет ряд имен очень славных мастеров, картины которых тут находились, но тотчас же вспоминает жестокую годину нашествия французов и осиротелые рамы, оставшиеся после их посещения. Тогда, говорят, вытащили из разных складов припрятанные картины и заполнили ими опустошенные стены галереи. Описи ее, даже составленные в конце прошлого столетия, примитивны и неясны, называя мадонну — «изображение женщины с ребенком», мифологическую сцену — «три женщины и двое мужчин» и т. п. Подобного содержания описи не могут нам восстановить картину Останкинской галереи старых времен, и сейчас нам дано судить о ней только по тому, что дожило до наших дней.

Ни усилий, ни затрат не жалелось, чтобы создать из новой усадьбы образец великолепия, домашний музей, «эритаж» вельможного сановника. Быстрыми шагами подвигалось убранство, и к апрелю 1797 г. дом был готов.

Первое большое празднество в Останкине состоялось 30 апреля. То был тор-

жественный прием новокоронованному императору Павлу, встреченному звуками литавров и знаменитым Шереметевским роговым оркестром. Монарха приветствовали коронационной кантатой, положенной на музыку Козловским.

«...Не возвращен ли нам судьбиной
Великий Петр с Екатериной?
Се Павел Первый и Мария!
Се подданных отец и мать!
Ты в жертву им должна, Россия,
Свою всю душу излить...»

Блеск торжеств, нарядность загородного дома восхитили монарха, и лестный говор о приеме долго носился по Москве. Он дошел до Станислава Понятовского, возбудил его любопытство и вызвал по-

Малиновая
прихожая.
Часы. Вторая
пол. XIX в.
Останкино

вторение праздника — уже в честь польского короля. Сохранился список тех 358 «российских господ и иностранных министров», которые были приглашены в Останкино в этот день... Но подробное описание самого праздника, тем более интересное, что это было лишь повторение государева приема, о котором точных записей нет, дает сам Станислав-Август в своем дневнике.

«7 (18) мая. Король, приглашенный обер-гофмаршалом графом Шереметевым, прибыл к 7 часам вечера со всей своей семьей и свитой в Останкино».

«После главного осмотра фасада, комнат и сада хозяин повел короля в театр. Часть, назначенная для зрителей, имела вид полукруга. Скамьи поднимались одна над другой, и все заканчивалось балконом, колонны которого карнизом упирались в потолок. При поднятии занавеса зрители увидели «Самнитские браки», которые шли на русском языке, музыка Гретри, с заимствованием нескольких мотивов из других композиторов. Участвующих было более 300 человек, все — домашние люди самого графа Шереметева. Жесты, декламация были скопированы с французских актеров; костюмы, превосходно обдуманные, отличались большим богатством, особенно у актрис: они были залиты изумительными по пышности бриллиантовыми украшениями, принадлежащими графу Шереметеву, ценностью не менее 100 000 рублей. В кордебалете, составленном также из людей графа Шереметева, выделялись две искусные танцовщицы. По окончании спектакля король со всем обществом вернулся в комнаты, где не успел пробыть и получаса, как их попросили сойти по той же самой, покрытой красным сукном, лестнице, которая их вела в театр. Вместо последнего глазам зрителей представилась теперь огромная балльная зала, образовавшаяся из амфитеатра и театра. Та часть залы, в которой шло представление, была обставлена с двух сторон ионической колоннадой; последняя на время спектакля была придвинута к стенам. В течение указанного полчаса, когда гости были наверху, эту колоннаду с помощью рабочих передвинули с двух сторон и разместили вдоль залы так, что между колоннами и стеной оставался проход. Колонны, внутри пустые, снаружи были выкрашены белой краской. Граф Шереметев заявил королю, что он занят проектом более быстрого перемещения упомянутых колонн, именно, чтобы это перемещение происходило на глазах самих зрителей... К 11 часам вечера, когда король успел насладиться в продолжение часа балом, все общество перешло на балкон. Отсюда открылся вид

РАЗЛУКА,
ИЛИ
ОТЪЕЗДЪ ПСОВОЙ
ОХОТЫ ИЗЪ КУСКОВА.
КОМИЧЕСКАЯ
О П Е Р А.

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ
СЪ ЕЯ
ПОСЛѢДОВАНІЕМЪ
ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ
СОЧИНЕННАЯ *** **

Въ первый разъ представлена въ селѣ Кусковѣ въ саду на открытои театръ собственныи его Святѣйства Графа Петра Борисовича Шереметева пѣвицами и пѣвчими
Юня 29. дня 1785.

Печатана
съ дозволенія Управы Благочинія,
ВЪ МОСКВѢ,
въ вольной Типографіи Пеномарова, 1785 года.

В отделе редких книг Государственной Исторической библиотеки хранится двухвековой давности издание — либретто оперы, поставленной в Кускове. Это старое либретто, что называется, из первых рук сообщает об участии в спектакле Прасковьи Жемчуговой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ПЕРЕСУДА , тетка Миловиды.	Анна Изумрудова.
МИЛОВИДА , племянница Пересуды, у ней живущая.	Прасковья Жемчугова.
СТЕПЕНИНЪ , Ловчей.	Григорій Кохановскій.
БЕЗПЕЧИНЪ , Охотникъ, любовникъ Миловиды.	Андрей Новиковъ.
ЦАЯНОВЪ , Корытникъ.	Иванъ Николинскій.

Дѣйствіе въ селѣ Кусковѣ на улицѣ противъ дому Пересуды.

Театръ представляетъ село Кусково, съ одной стороны видно селеніе окончивающееся домомъ Пересуды, съ другой стороны роща; въ глубинѣ театра виденъ Псаренной Дворъ, которой примыкаетъ къ Звѣринцу, при чемъ видно отдѣленное отъ звѣринца лугомъ селеніе.

на прекрасно иллюминированный сад, и на одной из колонн можно было увидеть вензель короля.

Затем последовал ужин, сервированный более чем на сто человек; столы были убраны серебряными блюдами и самыми дорогими тарелками из фарфора; вся середина стола была украшена и сверкала хрусталем... После ужина граф Шереметев сказал несколько прочувствованных слов с изъявлением наследственной признательности королю за те польские ордена, которые он и его отец получили. Затем граф проводил Его Величество до кареты».

«Дорога от Останкина и до первой заставы Москвы была иллюминирована горящими бочками с насыпанным в них осмоленным горохом», и далеко разносилось зарево, освещавшее возвратный путь очарованных гостей.

Граф Николай Петрович недолго занимал при дворе свою высокую должность. Сам ли он, привыкший распоряжаться и быть сам себе господин, не мог подчиниться придворной зависимости, или беспоконная требовательность и неудовлетворенность государя обижали его — неизвестно, но к концу 1798 г. он уже очень тяготился обязанностями обер-гофмаршала и с радостью принял переименование в обер-камергеры, сопровождавшееся многими царскими милостями. До этого увольнения от должности жизнь его была связана с двором, он жила в Петербурге и окрестностях его — в Павловске, Гатчине, Петергофе, на Улянке; в следующие годы царствования Павла Петровича он постоянно собирался в любимое Останкино отдохнуть от придворной суеты в тихом домашнем кругу, но его удерживали придворные связи и приязнь государя. В 1801 г. он твердо решил быть летом в Останкине; ему это удалось, но в совершенно иной обстановке, чем ему подсказывали мечты: неожиданная перемена на престоле, оживление России при молодом Александре, коронация в Москве — ряд событий, изменивших его предположения. В середине лета он переезжает в Москву, оставив подробную инструкцию петербургскому домоправителю, а 1 октября роскошным праздником в честь нового государя воскрешает останкинскую жизнь.

Вновь в Останкине загремели приветственные песни, зазвучали кантаты, загорелись опять огни иллюминации, засветились транспаранты и озарился путь из Москвы зажженными факелами и горящей смолой. А в залах, под звуки музыки Козловского, носилась державинская песня «Росскими летит странами на златых крылах молва...», и над всем царил любимый припев:

«Александр! Елисавета!
Восхищаете вы нас!»

Фейерверк, по словам Любецкого, представлял собой ночное солнце; золотые лучи его, озаряя темный свод небес, играли, разбиваясь на тысячи огней, а среди них весело искрились и пылали бриллиантовые вензеля царственных супругов.

Граф Николай Петрович с нетерпением ждал конца коронационных празднеств, чтобы осуществить свою заветную, давнишнюю мечту — соединиться вечными узами с Прасковьей Ивановной Ковалевской. Нежный, обаятельный образ этой графини-крестьянки встает как живой из воспоминаний современников. С детских лет она была взята в графский дом из своей крепостной семьи, воспитана книжной М. М. Долгорукой, племянницей графа Петра Борисовича, жившей у него в доме. Научилась она иностранным языкам, развила свой музыкальный талант и вскоре заблистала в первых ролях на шереметевской сцене под именем Прасковьи Жемчуговой. Сами имена актеров должны были вызывать у зрителей эстетическую мысль, и заурядные их фамилии заменялись нарядными по мысли прозвищами Изумрудовой, Яхонтовой и т. п. Так и Прасковья Ивановна из Ковалевой переименована в Жемчугову, пока привязанность и сердечный замысел гр. Шереметева не потребовали выделения ее из актерской среды и она стала именоваться Ковалевской, а эту фамилию, вольнонеалогическими путями, сумели связать со старой польской шляхтой.

Еще при жизни отца графу Николаю Петровичу было отдано распоряжение театральным делом и труппой; и с тех пор он не изменял своей любви к театру и музыке. На этой почве произошло сближение его с Прасковьей Ивановной. Женщина умная, она умела своей преданностью и лаской угождать избалованному барину, направлять его отношения к крестьянам, сдерживать его порывы и стала для него той драгоценной необходимостью, без которой жизнь его была пуста.

6 ноября 1800 г. состоялось желанное бракосочетание, но оно держалось в тайне до рождения ребенка. Немного, однако, графине Прасковье Ивановне удалось воспользоваться своим новым положением: в феврале 1803 г. она умерла, своей смертью разбив все надежды и все счастье мужа. Никогда не забывавшая свое происхождение и знавшая, хотя бы по своей семье, сколько горя и нужды таится по ту сторону роскоши и блеска, Прасковья Ивановна завещала много на добрые дела. Не было бы крестьянки, знакомой народу по песне

Останкино.
Вид на
дворец.
Совр. фото

«Вечор поздно из лесочка я коровушку гнала», не было бы и графини, чье милосердие благословляют обездоленные. По ее же мысли, еще в 1802 г. стал готовиться проект «Странноприимного дома»; он был осуществлен уже печальным вдовцом, стоил ему несколько миллионов и был открыт вскоре после смерти графа Николая Петровича, в 1809 г.

Последние годы жизни граф Николай Петрович не бывал в Останкине, которое он готовил для счастливых дней, а когда он умер — шестилетний сын его Дмитрий Николаевич продолжал воспитываться и расти в Петербурге. Во время его малолетства прошли грозные дни 1812 г., когда в Останкине стояли французы, пограбившие в доме. Но им ли одним надо приписать пропажу многих вещей? Карнович в «Замечательных богатствах частных лиц» нелегитимно винит в этом опекунов, а мы не будем здесь разыскивать виновных. Однако детский возраст графа Шереметева не мешал ему быть единственным представителем одной из знатнейших семей, славу которой надо было поддержать. Поэтому когда в 1818 г. Москву посетила царская семья, родился будущий Александр II и прибыл прусский король, опекуны молодого

графа пригласили державных гостей на утренний праздник в Останкине. Почистили, поубрали дом, вспомнили былые дни и устроили торжество на славу. Любецкий подробно описывает интересную программу спектакля:

«Это происходило летом; тогда долго думали, какой бы дать спектакль, и решились представить русский национальный дивертисмент; надобно, чтобы он был разнообразен, потому и выбрали пьесу «Семика, или Гулянье в Марьиной роще»; сцену устроили в большом зале и вместо декораций оставили всю ее срубленными березками, таким образом, что она представляла собой настоящую рощу. Вот в назначенное время послышалось раскатистое ура!.. В Останкино прибыл государь со всей фамилией своей и с высоким гостем Москвы, прусским королем; навстречу государю раздалась песня: «Ты возвратился, благодатный» (музыка к ней сочинена была композитором Антонелли, по случаю возвращения государя с венского конгресса); в импровизированном театре, еще до поднятия занавеса, раздалась песня: «Не будите меня молоду»... занавес взвился — и взорам всех представилось раздольное русское летнее гулянье. Сюда собраны были

все лучшие тансеры и тансерки театра, также певцы и певицы; здесь был и русский хоровод с протяжными мелодическими песнями «Заплетися, плетень, заплетися», «А мы просо сеяли, сеяли», и раздавалась веселая, размашистая песня «Под липою был шатер»... Сцена оглашаема была и цыганскими вакхическими песнями; старожилы помнят еще голосистую цыганку Степаниду, известную более под именем Шешки, которую, бывши в Москве, с наслаждением слушала сама знаменитая Каталани; не одну слезу выжала она из глаз ее заунывным романсом Жуковского «Дуброва шумит, собираются тучи». Каталани подарила тогда Степаниде перстень в тысячу р. В Останкине, в описываемое время, Степанида пела раздольную, закатистую, надрывающую грудь и нежащую душу русскую песнь:

«Зеленая рощица всю ночь прошумела,
А я, молодешинька, всю ночь не спала»...

У нее был собственный небольшой хор, прекрасно сформированный; голос Степаниды покрывал все инструменты и голоса. После спела она живые, веселые песни «По улице мостовой» с гиканьем и «Ах, вы сени мои, сени»... с присвистом, оттопываньем и с плясовыми жестами хора, так что у всех зрителей и слушателей невольно задержались плечи. В этом дивертисмане участвовал еще известный тогда русский песельник Лебедев, который был запевалой в хороводе, оглашаемом простонародными инструментами: ложками, гремушками, дудками, жалейками или свирелями и рожками. В числе песельников был и памятный Москве Булахов (сменивший Дружинина и поступивший на сцену Императорского театра из певцов графа Шереметева); «у него бархатный голос», говорили современники его. Там раздавался и дружный хор русских солдат (соч. Давыдовым) в честь наших воинов, одержавших победы над французами, и спета была известная тогда юмористическая песня, карикатура на бегство французов.

Театральная певица Кротова в красивом, роскошном, алобархатном русском сарафане, в блестящем золотыми галунами кокошнике и в жемчужном ожерелье, застегнутом розовым яхонтом, поднесенном ей почитателями таланта ея, пропела трогательную русскую песнь (Мерзлякова):

«Я не знала ни о чем в свете тужить,
Пришло время, начало сердце крушить».

Известная тогда тансерка Медведева тихо, плавно выплыла на сцену, как лебедь на озеро, под песню «Возле речки,

возле моста» (про нее говорили, что она ногами кружева плетет); с ней картинно танцевал Ив. К. Лобанов, по-русски, по-казацки, по-цыгански. Кордебалет был составлен превосходно; этот дивертисман поставили на сцену Аблец и Глушковский (поставивший много прекрасных балетов на нашу сцену); прусский король и вся свита его были очарованы русскими песнями и плясками, в которых выражается столько неги, чувства и грации»...

После шума и блеска такого торжества надолго затихло, почти заглохло Останкино... В его затишье внесло неожиданное оживление желание вновь вступившего на престол Александра Николаевича провезти неделю коронацией и говеть в Останкине. Тут вторично пришлось Останкину увидеть хлопотливую спешку и срочное убранство.

Это пребывание в Останкине, очевидно, не сопровождалось никакими празднествами. Через два года царственная чета вновь посетила Останкино, где состоялся парадный обед, но время больших празднеств, по-видимому, прошло.

С 1860-х годов жизнь семьи графа Дмитрия Николаевича сосредоточилась около Петербурга, и Останкино замерло. В 1896 г., уже во владении графа Александра Дмитриевича, оно подверглось ремонту и обновлению, но заиграет ли в нем вновь широкая, веселая, пышная жизнь?

Воздвигаются на останкинском земле дачные поселения, завладел Останкинским парком безразличный дачник, валяются старые деревья, высохли пруды...

Тяжелые дни беспорядков, когда безжалостно истреблялись старые гнезда, тревожно отзывались и в Останкине, но тень Прасковьи Ивановны, для которой созидалось оно, умолила судьбу, и сохранным стоит оно поныне, избежало огня и топора. Минувшие страхи, однако, не прошли бесследно, и из дворца многое перевезено в Петербург. Все же и теперь он полон и наряден; редкие звуки не нарушают его торжественную тишину. Пройдет ли по залам заботливый зритель, и гулко пронесутся его шаги, или приезжий посетитель зайдет полюбоваться и помянуть былое — удивленно переглядываются старые бюсты, разочарованно смотрят портреты и ждут, не заиграет ли славный оркестр, не пропашут ли «тансерки», не пройдут ли изящные пары в плавном полонезе, не скажет ли похвальную оду поэт...

«Старые годы», 1910, май — июнь
(Печатается с сокращениями)